

Михаил Булгаков

Мертвые души

*Часть сборника
Морфий (сборник)*

Михаил Афанасьевич Булгаков

Мертвые души

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=638025

Морфий : повести, рассказы, пьесы: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-49761-4

Аннотация

Мертвые души – инсценировка одноименной поэмы (1842–1852) Николая Васильевича Гоголя (1809–1852).

Содержание

Действуют:	4
Пролог	6
Акт первый	11
Картина первая	11
Картина вторая	14
Картина третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Михаил Булгаков

Мертвые души

Действуют:

Первый в спектакле.

Чичиков Павел Иванович.

Секретарь опекунского совета.

Половой в трактире в столице.

Губернатор.

Губернаторша.

Дочка губернатора.

Председатель Иван Григорьевич.

Почтмейстер Иван Андреевич.

Полицеймейстер Алексей Иванович.

Прокурор Антипатор Захарьевич.

Жандармский полковник Илья Ильич.

Анна Григорьевна.

Софья Ивановна.

Макдональд Карлович.

Сысой Пафнутьевич.

Петрушка.

Селифан.

Плюшкин, помещик.

Собакевич Михаил Семенович, помещик.

Манилов, помещик.

Ноздрев, помещик.

Коробочка Настасья Петровна, помещица.

Манилова Лизанька.

Мавра.

Параша.

Фетинья.

Квартальный.

Губернаторский слуга.

Капитан-исправник.

Капитан Копейкин.

Мижухев, зять.

Действие происходит в тридцатых годах прошлого века.

Пролог

Первый (*выходит в плаще – на закате солнца*)...И я глянул на Рим в час захождения солнца, и передо мною в сияющей панораме предстал Вечный город.

Вот он, вот он, выходит плоский купол Пантеона, а там за ним далее поля превращаются в пламя подобно небу.

О, Рим!

Солнце опускается ниже к земле. Живее и ближе становится город, темней чернеют пинны, готов погаснуть небесный воздух.

О, Рим!

И вот вечер в тебе устанавливает свой темный образ. И над развалинами огнистыми фонтанами поднимаются светящиеся мухи, и неуклюжее крылатое насекомое, несущееся стоймя, как человек, ударяется без толку мне в очи.

О, ночь, о, ночь! Небесное пространство! Луна, красавица моя старинная, моя верная любовница, что глядишь на меня с такой думою? Зачем так любовно и умильно нежишь меня в час, когда Рим полон благоуханием роз и тех цветов, название которых я позабыл. Я зажигаю лампу, при свете которой писали древние консулы, но мне чудится, что это фонарь и будочник, покрывшись рогожей, лишь только ночь упадет на камни и улицы, карабкается на лестницу, чтобы зажечь его.

Ах, дальше, дальше от фонаря! И скорее, сколько можно

скорее проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом.

И он, и все вокруг него дышит обманом! Он обманывает меня, это не Via Felice, я вижу Невский проспект. Ты, проспект, тоже лжешь во всякое время! Но более всего тогда, когда сгущенной массой наляжет на тебя ночь и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет повалят с мостов, форейторы закричат и запрыгают и сам демон зажжет лампы, чтобы показать все не в настоящем виде!

А ты, мой странный герой! Долго ли еще суждено мне, закутавшись плащом своим, бежать за тобою туда, куда вздувается тебе. Ты – мой полный хозяин!..

Послышались звуки гитар, и голос запел.

...И ведь увернулся из-под уголовного суда! Но уже ни капитала, ни разных заграничных вещиц, ничего не осталось ему. Удержалось у него тысконок десятков, да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка, да два крепостных человека: кучер Селифан и лакей Петрушка. Вот в каком положении очутился герой наш... и съежился он, и опустился в грязь и изменную жизнь. (Пауза.)... В ожидании лучшего, принужден он был заняться званием поверенного, плохо уважаемым мелкою приказною тварью и даже самими доверителями. Из поручений досталось ему, между прочим, одно: похлопотать о заложении в опекунский совет несколь-

ких сот крестьян... (Скрывается.)

Занавес открывается, слышен звон гитар. Отдельная комната в трактире в столице. Ужин. Свечи. Шампанское. Из соседней комнаты доносятся звуки кутежа. Поют: «Гляжу, как безумный, на черную шаль, и хладную душу терзает печаль...»

Чичиков. Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, почтеннейший. (Наливает Секретарю шампанское.)

Секретарь. То-то бесчисленны. Попроигрывались в карты, закутили и промотались, как следует. Имение-то ведь расстроено в последней степени. Кто же возьмет его в заклад?

Чичиков. Зачем же быть так строго, почтеннейший? Расстроено скотскими падежами, неурожаями, плутом приказчиком.

Секретарь. Гм...

Доносится хохот. Стальной бас поет: «С главы ее мертвой сняв черную шаль! Отер я безмолвно кровавую сталь!!» Дверь в отдельную комнату приоткрылась. Видно, как прошел пьяный конногвардеец, пробежал половой, прошла цыганка. Затем дверь закрывают.

Чичиков (вынимает взятку и вручает ее Секретарю).

Секретарь. Да ведь я не один в совете, есть и другие.

Чичиков. Другие тоже не будут в обиде. Я сам служил, дело знаю.

Секретарь. Хорошо! Дайте бумаги.

Чичиков. Но только вот какое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян в этом имении вымерла, так чтобы не было потом каких-нибудь привязок.

Секретарь (*хохочет*). Вот так имение! Мало того, что запущено, и люди вымерли!..

Чичиков. Уж, почтеннейший!..

Секретарь. Ну, вот что: по ревизской-то сказке... они числятся?

Чичиков. Числятся.

Секретарь. Ну, так чего ж вы оробели? Один умер, другой родится, а все в дело годится... (*Берет у Чичикова бумаги.*)

Чичиков (*вдруг изменившись в лице*). Аа!!.

Секретарь. Чего?

Чичиков. Ничего.

Донеслись голоса: «Саша! Александр Сергеевич! Еще шампанских жажда просит...» Хохот. Опять голоса: «А уж брегета звон доносит!..»

Секретарь вынимает брегет, встает, жмет руку Чичикову, выходит.

Чичиков (*по уходе его стоит молча, лицо его вдохновенно*). Ах, я, Аким-простота!.. Ах, я!.. ах, я!.. Ищу рукавиц, а они вон они, за поясом!.. Да купи я всех этих, которые вымерли... (*пугливо плотнее закрывает дверь отдельной комнаты*) пока еще не подавали новых ревизских ска-

зок... Приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уже двести тысяч капиталу. Ах, без земли нельзя ни купить, ни заложить. *(Вдохновенно.)* А я куплю на вывод, на вывод. Земли в Херсонской губернии отдаются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю, мертвых. В Херсонскую! В губернию! *(Крестится.)* Пусть их там живут, покойники. Ах, ведь захотят освидетельствовать купленных крестьян... *(Смеется.)* Я представлю свидетельство. За собственноручным подписанием капитан-исправника. Время удобное, недавно была эпидемия, имения брошены, управляются как ни попало. Под видом избрания места для жительства загляну в те углы, где можно удобнее и дешевле купить...

Первый... Страшно, чтоб как-нибудь не досталось...

Чичиков. Дан же человеку на что-нибудь ум! Да никто не поверит. Никто! Предмет покажется всем невероятным. Никто не поверит. Еду! *(Потрясает колокольчиком.)*

Половой *вбегает.* Донесся шум кутежа. Хор: «Мой раб, как настала вечерняя мгла, в дунайские волны их бросил тела!»

Сколько тебе следует?

Половой *подает счет.* *Чичиков* *бросает ему деньги.*

Еду!!.

Занавес

Акт первый

Картина первая

Кабинет Губернатора.

Губернатор в халате, с «Анной» на шее, сидит за пьальцами, мурлычет.

Слуга. К вашему превосходительству коллежский советник Павел Иванович Чичиков.

Губернатор. Дай фрак.

Слуга подает фрак.

Проси.

Слуга выходит.

Чичиков (входя). Прибывши в город, почел за неременный долг засвидетельствовать свое почтение первым сановникам... Счел долгом лично представиться вашему превосходительству.

Губернатор. Весьма рад познакомиться. Милости прошу садиться.

Чичиков садится.

Вы где служили?

Чичиков. Поприще службы моей началось в казенной палате. Дальнейшее же течение оной продолжал в разных местах. Был в комиссии построения...

Губернатор. Построения чего?

Чичиков. Храма Спасителя в Москве, ваше превосходительство.

Губернатор. Ага!

Первый (*выходя*)... «Благонамеренный человек», – подумал Губернатор. «Экая оказия, храм как кстати пришелся», – подумал Чичиков.

Чичиков. Служил и в надворном суде, и в таможене, ваше превосходительство. Вообще я незначайший червь мира сего. Терпением повит, спеленат, и сам олицетворенное терпение. А что было от врагов по службе, покушавшихся на самую жизнь, так это ни слова, ни краски, ни самая кисть не сумеют передать. Жизнь мою можно уподобить как бы судну среди волн, ваше превосходительство.

Губернатор. Судну?

Чичиков. Судну, ваше превосходительство.

Первый... «Ученый человек», – подумал Губернатор. «Дурак этот губернатор», – подумал Чичиков.

Губернатор. В какие же места едете?

Чичиков. Еду я потому, что на склоне жизни своей ищу уголка, где бы провести остаток дней. Но остаток остатком, но видеть свет и коловращение людей есть уж само по себе, так сказать, живая книга и вторая наука.

Губернатор. Правда, правда.

Чичиков. В губернию вашего превосходительства въезжаешь, как в рай.

Губернатор. Почему же?

Чичиков. Дороги везде бархатные.

Губернатор смущенно ухмыляется.

Правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы.

Губернатор. Любезнейший... Павел Иванович?

Чичиков. Павел Иванович, ваше превосходительство.

Губернатор. Прошу вас пожаловать ко мне сегодня на домашнюю вечеринку.

Чичиков. Почту за особую честь, ваше превосходительство. Честь имею кланяться. Ах... Кто же это так искусно сделал каемку?

Губернатор (*стыдливо*). Это я вышиваю по тюлю.

Чичиков. Скажите. (*Любуется.*) Честь имею... (*Отступает, выходит.*)

Губернатор. Обходительнейший человек!..

Занавес

Картина вторая

Гостиная в доме Губернатора. За портьерой карточная комната. Издалека доносятся клавикорды. Выплывает Губернаторша, Губернатор и Дочка. Председатель, Почтмейстер и Чичиков кланяются.

Губернаторша. Вы...

Губернатор (*подсказывает*). Павел Иванович!

Губернаторша...Павел Иванович, не знаете еще моей дочери? Институтка, только что выпущена.

Чичиков. Ваше превосходительство, почту за счастье.

Дочка приседает, Губернаторша, Губернатор и Дочка уплывают. Из карточной доносится смех.

Почтмейстер. Лакомый кусочек, судырь ты мой?

Председатель. Греческий нос.

Чичиков. Совершенно греческий! А скажите, Иван Григорьевич, кто этот господин, вон?..

Председатель. Помещик Манилов.

Почтмейстер. Манилов, помещик. Деликатнейший, судырь мой, человек.

Чичиков. Приятно познакомиться.

Полицеймейстер (*в портьере*). Иван Андреевич, тебе!

Председатель. Да вот, Павел Иванович, позвольте вам представить помещика Манилова.

Полицеймейстер. Иван Григорьевич, Иван Григорье-

вич!

Председатель. Прошу прощения. (*Уходит в карточную.*)

Чичиков и Манилов раскланиваются, усаживаются.

Манилов. Как вам показался наш город?

Чичиков. Очень хороший город, общество самое обходительное.

Манилов. Удостоили нас посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение. Майский день, именины сердца.

Чичиков. Помилуйте, ни громкого имени не имею, ни ранга заметного!

Манилов. О, Павел Иванович!.. Как вы нашли нашего губернатора? Не правда ли, предпочтеннейший человек?

Чичиков. Совершенная правда, предпочтеннейший человек.

Манилов. Как он может этак, знаете, принять всякого. Наблюсти деликатность в своих поступках.

Чичиков. Очень обходительный человек, и какой искусник – он мне показывал своей работы кошелек. Редкая дама может так искусно вышить.

Манилов. Но, позвольте, как вам показался полицеймейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?

Чичиков. Чрезвычайно приятный человек, и какой умный. Очень достойный человек.

Манилов. А какого вы мнения о жене полицеймейстера?

Чичиков. О, это одна из достойнейших женщин, каких

только я знаю.

Манилов. А председатель палаты, не правда ли?..

Чичиков (*в сторону*). О, скука смертельная! (*Громко.*)

Да, да, да...

Манилов. А почтмейстер?

Чичиков. Вы всегда в деревне проводите время?

Манилов. Больше в деревне. Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидиться с образованными людьми. Одичаешь, знаете ли, взаперти. Павел Иванович, убедительно прошу сделать мне честь своим приездом в деревню.

Чичиков. Не только с большой охотой, но почту за священный долг.

Манилов. Только пятнадцать верст от городской заставы. Деревня Маниловка.

Чичиков (*вынимает книжечку, записывает*). Деревня Маниловка.

Первый... Хозяйством он не занимается, он даже никогда не ездит на поля.

Собакевич (*внезапно, из портьеры*). И ко мне прошу.

Чичиков вздрагивает, оборачивается.

Собакевич.

Чичиков. Чичиков. Вас только что вспоминал председатель палаты Иван Григорьевич.

Садятся.

Чичиков. А прекрасный человек...

Собакевич. Кто такой?

Чичиков. Председатель.

Собакевич. Это вам показалось. Он только что масон, а дурак, какого свет не производил.

Чичиков (*озадачен*). Конечно, всякий человек не без слабостей. Но зато губернатор – какой превосходный человек.

Собакевич. Первый разбойник в мире.

Чичиков. Как, губернатор – разбойник? Признаюсь, я бы этого никак не подумал. Скорее даже мягкости в нем много. Кошельки вышивает собственными руками, ласковое выражение лица...

Собакевич. Лицо ласковое, разбойничье. Дайте ему только нож да выпустите на большую дорогу – он вышьет вам кошелек, он вас за копейку зарежет. Он да еще вице-губернатор – это Гога и Магога.

Первый. Нет, он с ними не в ладах! А вот заговорить с ним о полицеймейстере, он, кажется, друг его...

Чичиков. Впрочем, что до меня, мне, признаюсь, более всех нравится полицеймейстер. Какой-то этакий характер прямой.

Собакевич. Мошенник. Я их всех знаю. Весь город такой. Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один только...

Прокурор *показывается за спиной Собакевича.*

...и есть порядочный человек – прокурор...

Прокурор улыбается.

...да и тот, если сказать правду, свинья!

Прокурор скрывается.

Прошу ко мне! (*Откланивается.*)

В карточной взрыв хохота. Оттуда выходят Губернатор, Полицеймейстер, Председатель, Прокурор и Почтмейстер.

Председатель. А я ее по усам, по усам!..

Почтмейстер. Подвел под обух моего короля!..

Слуга. Ваше превосходительство, господин Ноздрев.

Губернатор (*тяжко*). Ох...

Прокурор. Батюшки, с одной только бакенбардой!

Ноздрев (*является, и следом за ним плетется Мижуев, оба явно выпивши*). Ваше превосходительство!.. Ба... ба... ба... И прокурор здесь? Здравствуй, полицеймейстер. (*Губернатору.*) Зять мой, Мижуев. А я, ваше превосходительство, с ярмарки к вам!

Губернатор. Оно и видно. Долго изволили погулять.

Ноздрев. Ваше превосходительство, зять мой, Мижуев.

Губернатор. Весьма, весьма рад. (*Откланивается, уходит.*)

Ноздрев. Ну, господа, поздравьте, продулся в пух. Верите, что никогда в жизни так не продувался!.. Не только убухал четырех рысаков, но, верите ли, все спустил! Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов. Зять мой, Мижуев.

Полицеймейстер. Что цепочка! А вот у тебя один бакенбард меньше другого.

Ноздрев (*у зеркала*). Вздор!

Председатель. Познакомься с Павлом Ивановичем Чичиковым.

Ноздрев. Ба-ба-ба... Какими судьбами в наши края? Дай тебя расцелую за это! Вот это хорошо! (*Целует Чичикова.*) Зять мой, Мижуев. Мы с ним все утро говорили о тебе.

Чичиков. Обо мне?

Ноздрев. Ну, смотри, говорю, если мы не встретим Чичикова.

Председатель захохотал, махнул рукой и ушел.

Но ведь как продулся! А ведь будь только двадцать рублей в кармане, именно, не больше как двадцать, я отыграл бы все. То есть, кроме того, что отыграл бы, вот как честный человек, тридцать тысяч сейчас бы положил в бумажник.

Мижуев. Ты, однако ж, и тогда так говорил. А когда я тебе дал пятьдесят рублей, тут же и просадил их.

Ноздрев. И не просадил бы! Не сделай я сам глупость, не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать банк!

Полицеймейстер. Однако ж не сорвал?

Ноздрев. Ну, уж как покутили, ваше превосходительство! Ах, нет его... (*Почтмейстеру.*) Веришь ли, я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского.

Почтмейстер. Ну, семнадцать бутылок ты не выпьешь.

Ноздрев. Как честный человек, говорю, что выпил.

Почтмейстер. Ты можешь говорить что хочешь...

Мижухев. Только ты и десять не выпьешь!

Ноздрев (*Прокурору*). Ну, хочешь биться об заклад, что выпью?

Прокурор. Ну, к чему ж об заклад!..

Ноздрев (*Мижухеву*). Ну, поставь свое ружье, которое ты купил!

Мижухев. Не хочу.

Ноздрев. Да, был бы ты без ружья, как без шапки. Брат Чичиков, то есть как я жалел, что тебя не было!..

Чичиков. Меня?!

Ноздрев. Тебя! Я знаю, что ты не расстался бы с поручиком Кувшинниковым.

Чичиков. Кто это Кувшинников?!

Ноздрев. А штаб-ротмистр Поцелуев!.. Такой славный. Вот такие усы. Уж как бы вы с ним хорошо сошлись! Это не то что прокурор и все губернские скряги...

Полицеймейстер, Почтмейстер и Прокурор уходят.

Эх, Чичиков, ну что тебе стоило приехать? Право, свинтус ты за это, скотовод этакий! Поцелуй меня, душа!

Мижухев уходит.

Мижухев, смотри, вот судьба свела. Ну, что он мне или я ему? Он приехал бог знает откуда, я тоже здесь живу. Ты куда завтра едешь?

Чичиков. К Манилову, а потом к одному человечку тоже в деревню.

Ноздрев. Ну, что за человек, брось его, поедем ко мне.

Чичиков. Нельзя, есть дело.

Ноздрев. Пари держу, врешь. Ну, скажи только, к кому едешь?

Чичиков. Ну, к Собакевичу.

Ноздрев захохотал.

Что ж тут смешного?

Ноздрев (*хохочет*). Ой, пощади, право, тресну со смеху.

Чичиков. Ничего нет смешного. Я дал ему слово.

Ноздрев. Да ведь ты жизни не будешь рад, когда приедешь к нему. Ты жестоко опешишься, если думаешь найти там банчишку или добрую бутылку какого-нибудь бонбона. К черту Собакевича! Поедем ко мне, пять верст всего!

Первый... а что ж, заехать, в самом деле, к Ноздреву, чем же он хуже других? Такой же человек, да еще проигрался!

Чичиков. Изволь, я к тебе приеду послезавтра. Ну, чур, не задерживать, мне время дорого.

Ноздрев. Ну, душа моя, вот это хорошо! Я тебя поцелую за это. И славно. (*Целует Чичикова.*) Ура, ура, ура!

Заиграли клавикорды.

Занавес

Картина третья

У Манилова. В дверях. На Маниловой капот шелковый, по оригинальному определению Гоголя, «бледного» цвета.

Манилова. Вы ничего не кушали.

Чичиков. Покорнейше, покорнейше благодарю, я совершенно сыт.

Манилов. Позвольте вас препроводить в гостиную.

Чичиков. Почтеннейший друг, мне необходимо с вами поболтать об одном очень нужном деле.

Манилов. В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет.

Манилова уходит.

Чичиков. Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после.

Манилов. Нет, Павел Иванович, нет, вы гость.

Чичиков. Не затрудняйтесь, пожалуйста, проходите.

Манилов. Нет, уж извините, не допущу пройти позади такому образованному гостю.

Чичиков. Почему же образованному? Пожалуйста, проходите.

Манилов. Ну, да уж извольте проходить вы.

Чичиков. Да отчего ж?

Манилов. Ну, да уж оттого!

Входят в кабинет.

Вот мой уголок.

Чичиков. Приятная комнатка.

Манилов. Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах.

Чичиков. Позвольте, я сяду на стуле.

Манилов. Позвольте вам этого не позволить. (*Усаживая-ет.*) Позвольте мне вас попотчевать трубочкою.

Чичиков. Нет, не курю. Говорят, трубка сушит.

Манилов. Позвольте мне вам заметить...

Чичиков. Позвольте прежде одну просьбу. (*Оглядывается.*)

Манилов оглядывается.

Я хотел бы купить крестьян.

Манилов. Но позвольте спросить вас, как желаете вы купить крестьян – с землею или просто на вывод, то есть без земли?

Чичиков. Нет, я не то чтобы совершенно крестьян... Я желаю иметь мертвых...

Первый появляется.

Манилов. Как-с? Извините, я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово?..

Чичиков. Я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые.

Манилов уронил трубку. Пауза.

Итак, я желал бы знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной

формы, передать, уступить... (Пауза.) Мне кажется, вы затрудняетесь?

Манилов. Я? Нет. Я не то... Но не могу постичь. Извините... Я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении... Может быть, здесь скрыто другое? Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?

Чичиков. Нет, я разумею предмет таков, как есть, то есть те души, которые точно уже умерли. (Пауза.) Итак, если нет препятствий, то, с богом, можно бы приступить к совершению купчей крепости.

Манилов. Как, на мертвую душу купчую?!

Чичиков. А, нет! Мы напишем, что они живы, так, как стоит в ревизской сказке. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов. Я немею перед законом. (Пауза.) Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?

Манилов. О, помилуйте, ничуть. Я не насчет того говорю, чтобы иметь какое-нибудь, то есть, критическое предсуждение о вас! Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтобы еще более, так сказать, выразиться – негодия, – так не будет ли эта негодия не соответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?

Чичиков. О, никак! Казна получит даже выгоду, ибо получит законные пошлины.

Манилов. Так вы полагаете?..

Чичиков. Я полагаю, что это будет хорошо.

Манилов. А если хорошо, это другое дело. Я против этого ничего.

Чичиков. Теперь остается условиться в цене.

Манилов. Как в цене? Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые, в некотором роде, окончили свое существование! Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, я передаю их вам безынтересно и купчую беру на себя.

Чичиков. Почтеннейший друг, о! (*Жмет руку Манилову.*)

Манилов (*потрясен*). Помилуйте, это сущее ничего, а умершие души, в некотором роде, – совершенная дрянь.

Чичиков. Очень не дрянь. Если бы вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человеку без племени и без роду! Да и действительно, чего не потерпел я! Как барка какая-нибудь среди свирепых волн... (*Внезапно.*) Не худо бы купчую совершить поскорее. Вы уж, пожалуйста, сделайте подробный реестрик всех поименно. И не худо было бы, если бы вы сами понавелись в город.

Манилов. О, будьте уверены. Я с вами расстаюсь не долее как на два дни.

Чичиков берет шляпу.

Манилов. Как, вы уже хотите ехать? Лизанька, Павел Иванович оставляет нас.

Манилова (*входя*). Потому что мы надоели Павлу Ивановичу.

Чичиков. Здесь, здесь, вот где, да, здесь, в сердце, пребудет приятность времени, проведенного с вами! Прощайте, сударыня. Прощайте, почтеннейший друг. Не позабудьте просьбы.

Манилов. Право, останьтесь, Павел Иванович. Посмотрите, какие тучи.

Чичиков. Это маленькие тучки.

Манилов. Да знаете ли вы дорогу к Собакевичу?

Чичиков. Об этом хочу спросить вас.

Манилов. Позвольте, я сейчас расскажу вашему кучеру.

Чичиков. Селифан!

Селифан (*с кнутом, входя*). Чего изволите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.